

Кожевников Владимир Александрович

**Философия чувства и веры в ее
отношениях к литературе и
рационализму XV века и к
критической философии**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Александрович К.**
Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XV века
и к критической философии: Часть 1 / Кожевников Владимир Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 783 с.

ISBN 978-5-519-89608-5

ISBN 978-5-519-89608-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отрицание диалектического способа познания; истина познается непосредственным восприятием в субъективном ощущении. 61. Г. возвычивает познавательное значение чувства за счет разсуждения. Убедительность чувства превосходит убедительность размышления. 62. Это существенное положение философии чувства Г. остается в недоказанном и неразвитом виде. — Противоречия его теории познания. 62—63.

Источник знания не есть чистое мышление, а опыт, не ограничивающийся по Гемстергию данными одних пяти „внешних“ чувств; к этим последним Г. присоединяет еще „внутреннее чувство“, поручая ему главную роль в приобретении познаний. 63. — Догматическая уверенность в абсолютной реальности данных внешнего, чувственного опыта. 63—64. — Чувственный опыт однако не дает знания самой сущности вещей. Зависимость чувственного знания от наших органов и от знаков, выражающих впечатления. 65. — Несмотря на сближение этой части своего учения с сенсуализмом, Г. твердо стоит за независимость души от тела, за разнородность духовного и физического. — Наивный, аллегорический способ объяснения связи души с телом. 65—67.

Подчиняясь до известной степени влиянию сенсуализма в объяснении познания внешнего мира, Г. становится догматиком-спиритуалистом в учении о познании высших, духовных истин. Догматически признает он существование безтелесных субстанций и догматически же допускает в человеке способность достоверного познания их. 67—68. — Знание это основано на сродстве души человеческой с Богом и на ее врожденном стремлении к Нему. — Союз души с абсолютным, вечным, совершенным (с Богом) есть абсолютная истина и красота и высшее благо, счастье. — Для достижения высшего блага душа не нуждается в помощи чего-либо физического; высшее знание (богопознание) не может быть чувственным знанием; оно состоит в непосредственном единении сущностей. 68.

Сочетание элементов разнородных учений в теории познания Г.: сенсуализма, спиритуализма и мистицизма. — Научная слабость этого учения. — Его культурно-исторический смысл: оно составляет переход к учению о гениальности или о так называемой „прекрасной душе“, — учению, которое получает свое эстетическое развитие у Гаманна, Гердера и Гёте, а философское у Ф. Г. Якоби. 69—70.

Этика Гемстергия. 70 и сл. Значение чувства, как познавательного начала, раскрыто Г. в недостаточной степени. Высшим назначением чувства он считает его нравственную цель. — Преобладание этического элемента над научным в учении Г. „Нравственное начало“ составляет высшую ступень духовных способностей. 70—71. — Неудовлетворительность его философского анализа у Гемст.; бездоказательная вера в свойства и в превосходство нравственного принципа; бесполезность научного изследования его; самоочевидность естественных законов нравственности; совесть — „лучший учебник этики“; личное чувство — единственный судья в области нравственного. 71—72.

Попытки Г. дать своему этическому догматизму реалистическое оправдание. Учение о „нравственном органе“. — Оно стоит в связи с поисками прочного нравственного критерия моралистами второй половины XVIII века. Г. стремится к сочетанию воедино одиозного в этом отношении Гёттисона, Ад. Смитом, Бётлером и Гартлеем. 73—75. — Неудовлетворительность и противоречия его учения о нравственном органе. 75—77. Активный и пассивный элементы в нравственном органе. Превосходство первого в его способности к самосовершенствованию. 78—79. — В развитии этой способности заключается и долг, и счастье человека. — Оптимистический взгляд на природу и на человека. — Происхождение зла вследствие удаления от естественного состояния и замены его искусственной и фальшивой цивилизацией. 79. Мечты о „золотом веке“ („Алексис“). Успех этого произведения; его соответствие потребностям своего времени; оно включает в себя взгляды Г. на культурно-исторический ход развития человечества, на происхождение религии, нравственности и общественного порядка. Вместе с тем в нем дана в поэтической форме программа этики в духе философии чувства. 79—85.

Признавая свободное активное начало въ отдѣльномъ человѣкѣ, способность къ нравственному совершенствованію въ совокупности человечества и независимость воли въ ея отношеніяхъ къ міру физическому и къ людямъ, Г. однако сильно суживаетъ предѣлы ея независимости ея субъективной мотиваціей или детерминаціей. Свобода выбора зависитъ не только отъ разумныхъ мотивовъ, усматриваемыхъ субъектомъ, но и отъ свойствъ его организаціи. 86—88. — Добавочное вліяніе общественной среды на единичную волю. 89. — Противорѣчія въ ученіи Г. о свободѣ воли. — Нравственное совершенство оказывается у него не столько результатомъ самопроизвольнаго усилія, сколько слѣдствіемъ счастливой организаціи. — Совпаденіе этого вывода съ популярнымъ въ концѣ XVIII в. ученіемъ о „прекрасной душѣ“. 89—93. — Вытекающая отсюда фаталистическая тенденція во взглядахъ Г. на зло, на преступленіе, наказаніе и раскаяніе. Сходство со спиннозистами мистическаго направленія (Леенгофомъ, Дейергофомъ и Брилемъ). 93—96.

Двойственность этического ученія Г. — причина противорѣчивыхъ отзывовъ о немъ современниковъ: Якоби видитъ въ немъ индивидуалиста; Лессингъ — скрытаго спиннозиста. 97.

Г. допускаетъ прогрессивное совершенствованіе души послѣ смерти тѣла. 98. — Вѣра въ безсмертіе — истина, доказуемая не разсужденіемъ, а самочувствіемъ, ощущеніемъ душою своихъ свойствъ. 99.

Этика Г. пытается сочетать детерминизмъ съ индивидуализмомъ. — Сочувствіе индивидуалистической свободѣ нравственности намѣчено у Г. краткими, но энергичными чертами, въ духѣ философіи чувства: „власть человѣческой личности и ея право — одно и то же; желаніе — единственный мотивъ дѣйствій“. — Непослѣдовательность этого вывода изъ предшествующихъ ученій Г. 100. — Его отвращеніе къ искусственной, вѣншней регуляціи нравственности закономъ и обычаемъ. Соответствіе этой черты натуралистическимъ тенденціямъ Руссо, Дидро и ихъ послѣдователей и, въ особенности, этикъ періода „бурныхъ стремленій“. 100—101. — Г. не сознаетъ опасностей крайняго субъективнаго нравственнаго произвола, защищаетъ его недостатки и оправдываетъ его коллизіи съ искусственнымъ кодексомъ общепринятой морали. 102.

Религіозныя убѣжденія Гемстергюи. 103 и сл. Отождествленіе религіознаго начала съ нравственнымъ. — Глубокая религіозность Г.; отвращеніе къ матеріалистическому невѣрію. — Антично-языческій характеръ его вѣрованій. — Отъ деизма они отличаются тѣмъ, что основываются не на разсужденіи, а на чувствѣ; отъ христіанства — упраздненіемъ откровенія и догматовъ грѣхопаденія и искупленія. — Г. дѣлаетъ попытку утвердить религіозное начало на почвѣ свѣтскаго міровоззрѣнія, но не въ деистическомъ смыслѣ, а въ духѣ философіи чувства. 103—104. — Остатки деистическаго рационализма у Г.; его „Учебникъ естественной религіи“. — Боле зрѣлая точка зрѣнія на религіи въ философскихъ сочиненіяхъ. — Признаніе неограниченной субъективности религіозныхъ убѣжденій: они основаны исключительно на личномъ ощущеніи. 105—106.

Уклоненіе отъ деистической аргументаціи въ доказательствахъ бытія Бога. Г. считаетъ неубѣдительными доказательства этическое, космологическое и физико-теологическое. 106—107. — Первоначальное пристрастіе мыслителей XVIII вѣка къ двумъ послѣднимъ; постепенное сознаніе ихъ недостаточности; критика ихъ Юмомъ; непониманіе ея достоинствъ до временъ Якоби и Канта. 107—111. — Критика доказательствъ бытія Бога у Гемстергюи. 111—118. — Г. въ этомъ отношеніи предупреждаетъ Канта и указываетъ на ограниченность богопознанія, почерпаемаго изъ разсмотрѣнія свойствъ природы. — Самопознаніе человѣка — единственный надежный источникъ богопознанія. 119—120. — Богопознаніе основывается не на разсужденіи, а на чувствѣ души и на ея стремленіи къ единенію съ своимъ первоисточникомъ. 120—121. — Ученіе Г. о богопознаніи представляетъ замѣтный прогрессъ сравнительно съ деизмомъ и рационализмомъ XVIII вѣка и заключаетъ въ себѣ зародыши ученія о религіи Канта, Якоби и Шлейермахера. 122—123.

Дѣльныя мысли Г. объ историческомъ развитіи религіи; ихъ превосходство надъ скептической религіозной критикой XVIII в. 123—124. — Нерасположеніе Г. къ положи-

тельной религии; непонимание психологических основ Откровения. — Неопределенность его понятия о Боге. — Г. не был спинозистом, но признавал только безличного Бога, безучастного к судьбам человеческих личностей. 124—126. — Безцельность и бессодержательность естественной религии Г. 126—127. — Осуждение им положительных религий; равнодушное и отчасти враждебное отношение к христианству; сочувствие античному язычеству. 127—129.

Значение Гемстериона в ряду представителей философии чувства. 129 и сл. В лице Г. философия чувства нашла выражение не столько своих сил и ресурсов, сколько своих запросов и стремлений. Для их удовлетворительного разрешения Г. недостаточно должного философского развития и привычки к систематическому мышлению. Возбудивши много важных философских вопросов, он не сумел подвергнуть их строгому научному исследованию и связать их в стройное целое. Он неопытный и незрелый начинатель нового направления в философии XVIII в. 129—130. — Его историческая заслуга состояла в признании чувства за основное начало не только нравственное и религиозное, но и познавательное. — Его недостаток — в неуверенности и непоследовательности проведения этого убеждения и в стараниях искусственно и противоречиво согласовать его с противоположными ему тенденциями чистого рационализма. Отсюда — несоответствие его учения научным требованиям его времени и их непопулярность. 130—131. — Недостаточное соответствие его учения тогдашнему стремлению к индивидуалистической, свободной этике. 131—132. Третье несоответствие философии Г. потребностям времени заключалось в бедности и неопределенности религиозной стороны его учения. — Необходимость пополнения и исправления всех этих недостатков в дальнейшем процессе развития философии чувства. 132.

III. I. Г. Гаманн. — Философия чувства и роль в ее полемических отношениях к литературе и к рационализму XVIII в. Стр. 133 и сл.

Библиография. 133—140.

Положение Гаманна в ряду представителей философии чувства. 141 и сл. В отличие от эклектика Гемстериона, заботившегося о согласовании философии чувства с преобладающим филос. направлением своего в. в., Гаманн является олицетворением полемических и реформаторских сил философии чувства. 141—2. — Потребность в такой полемике и в то же время в примирении обнаруженных ею противоречий в жизни и в философском мышлении. — Необходимость выдающейся, руководящей личности, связующей и объединяющей разнородные элементы сложного духовного процесса, переживавшегося обществом во второй половине XVIII в. За немцем больше законченного представителя этой потребности, современники доводятся его несовершенным подобием в лице Гаманна. 142—3.

Характеристика Гаманна как человека, мыслителя и писателя. Отношение к нему современников. Его влияние на немецкую культуру. 143 и сл. Гаманна считали и считают загадочным человеком; недоразумения и противоречия в суждениях о нем объясняются неправильной постановкой вопроса о его значении. Тщетны усилия доставить ему популярность и придать ему остающееся значение и для настоящего времени. Г. представляет ценность лишь культурно-историческую; его значение неразрывно связано с условиями его времени и окружавшей его среды. 143—4. — Разноречивые суждения о нем современников. — Уничижительные отзывы его о самом себе, как человека и писателя; искренность этих отзывов. — Его недостатки как писателя; крайняя трудность понимания его сочинений. 144—7. — Высокая оценка его современниками. — Его считают главным руководителем литературного движения периода бурных стремлений. 148. — Похвальные отзывы о нем Гердера, 148; Якоби, 149; Виденманна и кн. Голицыной, 150; Лафатера, 150—1; Липидера, Шеффнера, Мозера, Гиппеля, 151—2; Мерка и Гёте, 152—4; Жавь Поля, 154; Мендельсона, 155—6; Канта, 156—8; Крауса, 158—9; Шеллинга и Гегеля, 159—160; Баадера 160. — Большинство

видитъ въ немъ пророка будущаго времени, провозвѣстника новыхъ, плодотворныхъ идей. 161—2. — Его долговременное вліяніе на духовную жизнь Германіи; исторія изданія его сочиненій. 161—3.

Высокая оцѣнка достоинствъ Г—а лучшими людьми его времени доказываетъ неосновательность пренебрежительнаго отношенія къ нему новѣйшей литературной и философской критики. 163—4. Причина злословія на Г—а — крайняя добросовѣстность въ разоблаченіи имъ своихъ недостатковъ. Самообличенія Г—а; ихъ безпримѣрная искренность и наивность. 164—5. — Оправданіе Г—а отъ упрековъ въ безнравственности; единодушные отзывы современниковъ о его высокой нравственной чистотѣ. 166—7.

Г. не искалъ популярности, писалъ для немногихъ и шелъ въ разрѣзъ съ преобладающими тенденціями своего вѣка. 167—8. — Сила его вліянія объясняется тѣмъ, что въ немъ, какъ въ человѣкѣ, писателѣ и мыслителѣ, люди новаго направленія находили отвѣтъ на свое стремленіе къ объединенію разнородныхъ убѣжденій, наклонностей и симпатій. — Изумительная воспримчивость Г—а къ разнороднымъ впечатлѣніямъ и убѣжденіямъ; соединеніе въ ней крайностей и противоположностей; отзывчивость на все доброе и прекрасное. — Восхищеніе Якоби и Рейхардта этою способностью. 168—9. — Разнообразие его мыслей и склонностей объясняется не индифферентизмомъ, а врожденною способностью необыкновенно живо воспринимать и усваивать всевозможныя впечатлѣнія и различные взгляды на вещи. — Сходство съ Гёте и отличіе отъ него: преобладаніе объективнаго, рефлексивнаго элемента въ первомъ и безотчетнаго, стихійнаго порыва въ Гаманна, который поэтому быть названъ отцомъ бурныхъ стремленій. — Инстинктивное воспріятіе дѣйствія или впечатлѣнія по личному вдохновенію, безъ преобладающаго участія рефлексіи, безконечно разнообразно и однакоже самобытно и цѣльно — сущность таланта Гаманна и разгадка его обаянія на современниковъ. 169. — Признанія его объ этой способности. 169—170. — Отзывъ Гёте объ универсальности и цѣльности натуры Г—а. 171. — Естественность увлеченія современниковъ Г—омъ. Оцѣнка многосторонности способностей въ XVII и въ XVIII в.: Лейбницъ, Бейль, Вольтеръ, Дидро, Гаманнъ. 171—2. — Г. — воплощеніе многосторонности не-рефлектирующей, инстинктивной, понимаемой въ духѣ періода гениальности и бурныхъ стремленій; онъ олицетворяетъ въ себѣ борьбу различныхъ элементовъ духовнаго развитія, стремленіе къ полнотѣ человѣческихъ силъ и способностей и къ восстановленію ихъ нарушенной гармоніи. 172—3. — Отсутствіе дѣйствительнаго духовнаго единства въ Г—нѣ; замѣна этого единства полнотою воспринимательной способности и отзывчивостью на разнородныя потребности; богатство и оригинальность содержанія его мыслей; ихъ пригодность для всевозможныхъ вкусовъ. 173. — Главная заслуга Г—а воспитательная: не создавши самъ ничего крупнаго, цѣльнаго и законченнаго, онъ вызвалъ къ жизни многое, и еще больше поощрилъ, исправилъ и направилъ. — Это сѣятель новыхъ истинъ, провозвѣстникъ убѣжденій будущаго, агитаторъ въ пользу новыхъ идеаловъ добра и красоты, обращавшійся къ немногимъ, но вліявшій черезъ нихъ на многихъ. 174—5.

Соотвѣтствіе формъ дѣятельности Г—а его историческому призванію. — Отсутствіе стройнаго, систематическаго ученія; отвращеніе къ систематическому мышленію; принципиальное осужденіе системъ. 175. — Рѣзкая противоположность этого протеста съ склонностью нѣмцевъ XVIII в. къ построенію системъ во всѣхъ областяхъ знанія. 175—9. — Крайности полемики Г—а противъ систематическаго мышленія и вредное вліяніе этого на его собственное ученіе. — Отсутствіе опредѣленнаго метода изслѣдованія. 179. Пренебрежительное отношеніе къ математическому методу и къ даннымъ естествознанія. 180. Нерасположеніе къ примѣненію математ. метода въ философіи. — Отвращеніе къ филос. діалектикѣ. — Осужденіе дѣленія философскаго мышленія на идеалистическое и реалистическое; оно произвольно, и превращаетъ дѣйствительное бытіе въ отвлеченную формулу разсужденія и реализмъ жизни подмѣняетъ „вербализмомъ и діалогизмомъ“ отвлеченнаго мышленія. 181. — Отвращеніе Г—а къ метафизическому, абстрактному направленію философіи. Реализмъ Г—а: истина не выводъ разсужденія, а жизненный фактъ, непосредственное воспріятіе данныхъ жизни чувствомъ человѣческой личности; не умозаключеніе, а ощущеніе — единственное доказательство бытія чего бы

то ни было; опыт — единственный источник знания. — Гегель о непонимании научного значения абстракции Гаманномъ. 181—2.

Влияние реализма Г—а на характер и формы его авторства. — Задача писателя не въ демонстративномъ развитіи отвлеченнаго ученія, а въ обнаруженіи фактовъ и въ предугадываніи ихъ. — Совокупный смыслъ жизни и большая часть ея проявленій — тайна, которая не можетъ быть исчерпана чисто-логическими формулами; объясненіе необъяснимаго ведетъ къ еще большому затемненію его. 182. Откуда у Г—а отвращеніе къ амплификаціи мысли и стремленіе къ сосредоточенію ея въ наименьшемъ количествѣ словъ; сжатость и темнота выраженій при глубокомысленности и богатствѣ содержанія. 182—3. — Культурно-историческая потребность въ такой „гieroглифической краткости“; ея магическое дѣйствіе на современниковъ; успѣхъ загадочнаго стиля Г—а; его достоинства. 183—4.

Значеніе Гаманна какъ вдохновителя поры бурныхъ стремленій. 184 и сл. *Реалистическій гуманизмъ Г—а*, противоположный искусственному, тенденціозному, отвлеченному гуманизму просвѣщенія XVIII вѣка. — Недостатки послѣдняго: произвольное построение системъ философіи и правилъ поведенія по общеобязательной, умозрительно созданной программѣ; философскій гуманизмъ XVIII вѣка выработалъ типъ идеальнаго человѣка по теоретическому рецепту, независимо отъ историческихъ, расовыхъ и мѣстныхъ условий и субъективныхъ различій. 185. — Противодѣйствіе этимъ недостаткамъ со стороны философіи чувства. Отвлеченному гуманизму „Просвѣщенія“ XVIII в. она противопоставляетъ гуманизмъ реалистическій, натуралистическій, выведенный изъ опыта на изученія свойствъ человѣческой природы и основанный на непринужденномъ развитіи воіхъ самобытныхъ силъ, способностей и особенностей человѣческой личности. 185. — Гаманнъ — одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этой этики и поклонникъ широкой свободы личности и крайняго индивидуализма. 185—6.

Защита правъ индивидуальности ученіемъ о личномъ вдохновеніи. Страстная *аполонія гениальности*. Г. начинатель увлеченія гениальностью въ Германіи. 186—8. — Вліяніе этой стороны его ученія на современниковъ: защита гениальности Гердеромъ, Лафатеромъ, Клопштокомъ. 188—9; Гердеръ — главный истолкователь ученія о гениальности. 189—192; мысли Жанъ-Поля о томъ же, 192—3; поддержка ученія о гениальности Лафатеромъ; значеніе его „Физиогномики“. 193; примѣненіе ученія о гениальности къ философіи Гаманномъ, Ваадеромъ и Шеллингомъ. 194—6; дальнѣйшее расширеніе области гениальности Циммерманномъ; легкомысленное распространеніе ученія о гениальности поколѣніемъ „бурныхъ стремленій“; опасностности этого увлеченія. 196. — Осужденіе этихъ крайностей Меркомъ, Лессингомъ, Штейномъ, Кантомъ. 196—7.

Полезнa увлеченія ученіемъ о гениальности. Его возбуждающее вліяніе на талантъ Гердера, Якоби, Гете, Шиллера и др. 197—8. — *Поворотъ отъ искусственнаго, условнаго и аффектированнаго къ первобытному, естественному, наивному.* 198. — *Вліяніе Гаманна на новый взглядъ на значеніе языка:* языкъ — отецъ мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ ея исторія и исторія народа; преимущественная цѣнность народной рѣчи, какъ живаго, непосредственнаго откровенія прошедшаго настоящему; *предпочтеніе Г—омъ народнаго, арханческаго языка искусственному, новому.* — Высокій взглядъ на значеніе поэзіи; она „материнскій языкъ человѣческаго рода“. — Народная поэзія — высшее откровеніе мысли и жизни человѣчества. 198; страстная любовь къ ней Г—а, а также и къ диалектамъ, 199. — *Любовь къ родному языку;* борьба съ увлеченіемъ французскимъ языкомъ, 199—200. — *Любовь къ древнимъ языкамъ;* они не мертвые языки; ихъ преимущества передъ современною рѣчью. 200. — *Любовь Г—а къ отечественному языку; сила патріотическихъ чувствъ Г—а.* 200—1. — Вліяніе этой стороны его убѣжденій на современниковъ: Гердеръ заимствуетъ у него любовь къ народной поэзіи и развиваетъ его мысли о ея значеніи; робость Гердера въ борьбѣ за народную поэзію, ободреніе его Г—омъ. 201—5. — Вліяніе на Гете, Клингера, Мюллера, Денца. „Нѣмцыя идиолъ“ Мюллера; ихъ успѣхъ. 206—7. — Вліяніе на развитіе патріотической драмы; проекты національнаго театра. 207—8. — Включеніе народной поэзіи въ курсъ эстетики ученикомъ Г—а Линднеромъ. 208—9.

Отношение Гаманна к старине, к преданию, к истории. Любовь его к нимъ. Противоположность этихъ симпатій преобладающей тенденціи XVIII в. 209.—Осужденіе Гаманномъ тенденціозныхъ историковъ его времени. 209—210.—Высокое значеніе исторіи по Гаманну: она — лучшая философія. — Важнѣйшая часть исторіи — библейская, единственная всемірная (общечеловѣческая) исторія. 210.—Значеніе исторіи какъ знанія воскрешающаго. 210—211.—Необходимость родственнаго, сочувственнаго (конгеніальнаго) изученія и пониманія прошлаго. 211.—Указанія на важность изученія исторіи и литературы Востока. 211.

Отношеніе Г—а к классицизму и его вліяніе на правильное пониманіе древности. 212 и сл. *Отношенія науки, искусства и общественнаго мнѣнія к классицизму въ XVIII вѣкѣ.* 212—240. Классицизмъ лишился жизненнаго, воспитательнаго-образовательнаго значенія уже въ XVII вѣкѣ. 212. Условное и афектированное уваженіе къ древнимъ въ вѣкѣ Людовика XIV. Тенденціозное преклоненіе передъ классиками при отсутствіи истиннаго пониманія древности; перенесеніе современныхъ понятій и вкусовъ на произведенія античной литературы. 213. Образецъ критическаго и эстетическаго непониманія древности въ эту пору и послѣдующую — отношеніе къ Гомеру: осужденіе его Перро, исправленіе въ современномъ вкусѣ Ламоттомъ. 213—4.—Разрастаніе равнодушія къ древности во Франціи; „споръ между древними и новыми“. 214—7. Почтительное, но фальшивое отношеніе къ классикамъ въ Англіи; Поповъ переводъ Гомера. 216—8. Охлажденіе къ древности подъ вліяніемъ философіи просвѣщенія; пренебреженіе греческимъ языкомъ; непониманіе древности Вольтеромъ и энциклопедистами. 218—9. Малый успѣхъ болѣе зрѣлыхъ опытовъ исторической и художественной критики античныхъ произведеній: д'Обиньякъ, Блакуэлль, Вико. 220—3. Незавидное положеніе классицизма въ Германіи до половины XVIII вѣка. Враждебное отношеніе къ нему піэтической педагогики. 223—4; вредное вліяніе франц. культуры и Фридриха II. 224—5. Упадокъ классич. школы. Пренебрежительное отношеніе къ классицизму педагоговъ филантропическаго направленія. 225—6. Возрожденіе классич. эрудиціи, 226—7 и болѣе глубокаго пониманія древности. Значеніе Гейне и Вольфа. 227. Начало эстетическаго пониманія древности. Предшествующій упадокъ изученія этой стороны классической культуры; ложно-классическій, академическій стиль. 227—230. Винкельманъ и Лессингъ восстанавливаютъ эстетическое пониманіе античнаго. Воспитательное значеніе Винкельмана, 230—3, и Лессинга. 233—5. Неподготовленность общества къ усвоенію ихъ взглядовъ на древность. Виландъ — примѣръ легкомысленной, поверхностной любви къ античному міру. 235. Гейнце — представитель чувственнаго искаженія классической эстетики. 235. Нравственная опасность слишкомъ быстрого увлеченія античнымъ: антикизирующий эпикуреизмъ. 235—6. Эстетическая опасность: отреченіе отъ національнаго элемента и самобытности въ искусствѣ подъ вліяніемъ неумѣреннаго поклоненія классическимъ формуламъ прекраснаго: Гейнзе, Гёте. 237—9. Классицизмъ въ живописи (Р. Менгсъ и Карстенсъ) и въ музыкѣ (Глюкъ). 239—240.

Обособленное положеніе Гаманна въ процессъ переворота въ отношеніяхъ къ античному. Г. талантливый самоучка въ области классическихъ знаній. 240. Классицизмъ для него не ученая прихоть, а насущная духовная потребность. Необходимость изученія классическихъ языковъ; ихъ образовательное значеніе; высокая оцѣнка греческаго. 241—2. Предпочтеніе наиболѣе древняго, первобытнаго въ классической литературѣ. Будьто Гомера. Гомеръ (и Шекспиръ) — высшій примѣръ природной даровитости; въ немъ воплощено безыскусственное творчество и наивное бытописаніе героическаго періода жизни человѣчества. Необходимость историческаго пониманія его; сравненіе съ Библіей. 242—3. Сужденія о другихъ греческихъ авторахъ. 243—4. Сосредоточеніе вниманія на первоначальномъ и самобытномъ; примѣненіе этого къ греческимъ трагикамъ. 245. Какъ надо подражать древнимъ. 245—6. Противодѣйствіе Г—а поверхностному классицизму; его борьба съ Клотцомъ. 246—8. Г. требуетъ не рабскаго подражанія древнимъ, а усвоенія духа античной культуры и классическаго искусства; надо не копировать съ антиковъ, а „воскрешать“ древнихъ, любить ихъ, находиться съ ними въ родственномъ общеніи. 249—250. — Любовь Г—а къ античному опровергаетъ неосно-

вательное мнѣніе новой критики о его узкомъ аскетизмѣ и доказываетъ гуманистическій складъ его убѣжденій. 250—1. Въ класс. міръ Г. видѣлъ и цѣнилъ законченный кругъ развитія натуралистическаго идеала чистой человѣчности. Идеаль этотъ Г. включаетъ въ свое міровоззрѣніе въ качествѣ существенной его части: „homo sum!“ 251. Но рядомъ съ языческимъ „homo sum!“ Г. ставитъ, какъ столь же необходимую часть правильнаго пониманія человѣка, и христіанское „esse homo!“ (сознаніе природной слабости человѣка) и только въ сочетаніи обоихъ элементовъ, натуралистическаго и супранатуральнаго, человѣческаго и божественнаго, видитъ воплощеніе истиннаго понятія о совершенствѣ человѣка. Его высшее желаніе — объединить въ человѣческой личности, а чрезъ нее и въ цѣломъ человечествѣ, „omnia humana et divina omnia“. 252. — Высокое воспитательное значеніе Г—а въ этомъ смыслѣ и признанная современниками важная роль его въ процесѣ развитія гуманистическаго міровоззрѣнія 252—3. — Любовь Г—а къ античному и языческому не мѣшала ему быть проникнутымъ еще большею любовью къ Библии. — Исключительная важность и содержательность Библии въ историческомъ, философскомъ, научномъ и художественномъ отношеніяхъ. 253—4.

Эстетическія убѣжденія Гаманна. 255 и сл. Разносторонность историческихъ и литературныхъ симпатій Г—а дала ему возможность высказать болѣе зрѣлыя мысли объ эстетикѣ, чѣмъ тѣ, которыя были свойственны его современникамъ. Его эстетика одинаково свободна отъ недостатковъ французской и Готтшедовской теорій изящнаго, отъ неумѣреннаго пристрастія къ неподвижнымъ формуламъ классицизма и отъ узкоутилитарнаго и тенденціознаго направленія искусства XVIII вѣка. Противодѣйствіе Г—а всѣмъ этимъ направленіямъ художественнаго пониманія и обличеніе ихъ недостатковъ. 255. — Разгромъ искусственной, догматической эстетики „неподвижныхъ правилъ и образцовъ изящнаго вкуса“. Противопоставленіе ей свободнаго художественнаго творчества, субъективнаго вдохновенія. 255—6. — Несостоятельность искусственнаго въ искусствѣ; требованіе служенія только естественному. 256—7. — Этимъ ученіемъ Г. становится во главѣ ученія о геніальности, какъ основы эстетики періода бурныхъ стремленій. 257. — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ протестуетъ противъ крайностей классическаго направленія въ искусствѣ. 257. На мѣсто подражанія художественнымъ образцамъ онъ ставитъ подражаніе одной природѣ, не исключающее свободы личнаго творчества. 258—9. Наоборотъ, въ этомъ-то последнемъ и заключается жизненный нервъ искусства; только самобытное (геніальное) творчество создаетъ прекрасное. Оно не должно быть стѣсняемо никакими тенденціозными, утилитарными либо назидательными соображеніями: искусство живетъ не посторонними внушеніями, а свободнымъ, самостоятельнымъ вдохновеніемъ. 259. — Признаніе Г—омъ за Библией высокаго эстетическаго значенія не даетъ современной критикѣ права приписывать ему желаніе превратить всю поэзію въ „узко-религіозную“ и обвинять его въ аскетическомъ взглядѣ на задачи искусства. Въ поэзіи онъ видитъ проявленіе высшихъ образцовъ общественнаго сознанія. Сопоставляя античное искусство съ библейской поэзіей, Г. не суживалъ, а расширялъ предѣлы художественнаго пониманія. 260—1. — Уважая древность, Г. умѣлъ чтить и заслуги новаго времени. Любовь его къ родному и народному. Противопоставленіе горячаго патріотизма бездушному космополитизму своего времени. 261. — Любовь къ старо-нѣмечкой рѣчи и поэзіи. 262. Старанія воздѣйствовать на Фридриха II въ пользу нѣмецкаго языка и словесности. Смысловъ патріотическихъ усилій Г—а. 263—6. — Ихъ влияние на современниковъ. 266—7.

Вліяніе его эстетики. Признаніе и развитіе эстетическихъ идей Г—а Мовилльонемъ и Унцеромъ, Лафатеромъ, Шлоссеромъ, Дендомъ, Клингеромъ, Мюллеромъ, Бургеромъ, (о народной поэзіи) 269—271; гёттингенскимъ литературнымъ кружкомъ, Клаудиусомъ, Фоссомъ, 272; Гёте, 272—4; Мёзеромъ, 274—5. — Зрѣлость и содержательность эстетическихъ воззрѣній Г—а объясняется ихъ тѣсною связью съ общимъ складомъ его философскихъ убѣжденій. — Шириною художественнаго кругозора Г. превосходитъ большинство своихъ современниковъ и ближайшихъ послѣдователей; универсальности его художественнаго вкуса. 276—7. — Гёте въ своемъ творчествѣ до извѣстной степени осуществилъ эстетическій идеалъ Г—а; но Гёте довольствовался смѣною различныхъ ощущеній въ жизни и воспроизведеніемъ ея въ искусствѣ; Гаманнъ же стремился къ орга-

ническому примирению и объединению противоположностей в человеке. Гёте думал устранить разлад человека с самим собою и с окружающей средой путем пассивного слияния его с природой; Гаманн же — посредством активного восприятия, усвоения и самостоятельной переработки блага человеческой личностью. Оттого результаты философии Гёте — натуралистический пантеизм, а философии Гаманна — спиритуалистический гуманизм. — Отзывы Гёте о своем и Гаманновом мировоззрении. 277—9. — Гаманн не дал прочного философского обоснования своему идеалу всеобъемлющего и объединяющего значения человеческой индивидуальности в мировом целом. Тем не менее эта сторона его убеждений существенно повлияла на развитие немецкой эстетики и критики. — Влияние его на Гёте; на Якоби; дуализм Якоби не в состоянии вытеснить в себя индивидуалистического монизма Гаманна. 279. — Влияние на Гердера: Гердер заимствовал от Г—а ширину критического и эстетического понимания и разнообразие симпатий в области искусства. 280—1. — Влияние на Фосса, Бюргера, на Штольберга и других. 281—6.

Влияние Гаманна на нравственную сторону периода бурных стремлений. Его отношение к развитию этического индивидуализма, к учению о свободе чувств и страстей. 286 и сл. Руссо, Дидро и Стёрв — предшественники Гаманна в этом отношении. 286. — Апология страстей Гаманном: чувства и страсти — главные дѣтели природы в человеке; в страстях дана и весь замысел человеческой деятельности, и все его выполнение. Мысль не в состоянии избавиться и не должна избавляться от влияния страстей. Их необходимость и польза; вред пренебрежения ими и урывания их. Единственная практическая услуга философии состоит в члестообразной регуляции страстей. 287. — Опасная сторона страстей ясна Г—у; но с его точки зрения контроль над ними почти невозможен и даже вреден. — Единственный доброкачественный регулятор страстей — религия. Только христианин (по Г—у) может быть назван совершенным человеком. 287—9. — Неприемлемость убеждения Г—а о необходимости религиозной регуляции страстей для большинства его современников. Успех, наоборот, натуралистической стороны его апологии страстей. 288—9. — Влияние этой последней на эстетическое убеждение Г—а. Всемогущая власть чувств и страстей в области искусства и над речью. Вся эстетика сводится на индивидуальное наблюдение проявления страстей в жизни. Непосредственность чувства — жизненный нерв искусства; страсть — единственный источник художественного творчества. 289—290. — Проверка вышеизложенных взглядов на Шекспира. Культ его Г—ом. Влияние Г—а на понимание Шекспира; оно важнее Лессингова. 290—1. Развитие любви к Шекспиру в духе Г—а в Гердере, Гёте и Герстенберге. 291—2. Шекспиромания в кругу литераторов периода бурных стремлений. Гёте, Ленц, Книгер. 293—6.

Перенесение учения о неограниченной свободе чувств и страстей из искусства в жизнь. Этот психологический факт составляет основу общего настроения периода бурных стремлений. — Важное значение этого момента нравственного развития западноевропейского общества; возрастающее внимание к нему исторической критики; недостаточность ограничения значения периода бурных стремлений одним его литературным влиянием; необходимость всестороннего освещения его генезиса и развития с культурно-исторической точки зрения. — Значение такого исследования для истории философии чувства: оно разоблачает условия его возникновения и характеризует среду, ее породившую и ту, на которую эта философия оказывала влияние. 296—7.

История перемены во взглядах на нравственную свободу личности и на значение чувств и страстей, в связи с историей развития философии чувства. 297 и сл. Аскетическое отношение к чувству в пифтизм; пессимистический взгляд на жизнь и на природу; чрезмерная нравственная строгость; скорбь жизни; унылое настроение пифтистов; жажда смерти; гонения на удовольствия и забавы; 297—304. — Фанатический и чувственный искажения пифтизма. 304. — Безтактная защита радостей жизни лютеранскими ортодоксами. 305. — Постепенное смягчение отношений протестантского богословия к чувствам и страстям: Ла-Пласетт, Будей, Пафф, Вальх, Баумгартен. 304—5. — Противоположение философской этики Вольфа и его учеников бо-

словесному учению об испорченности человеческой природы; борьба вольфианцев с пјетистами; незначительное содѣйствіе освобожденію чувства со стороны вольфианской философiи. 308—311. — *Вымирание аскетизма въ католичество; яansenизм.* 311—2. — *Иезуиты* — защитники свѣтской, болѣе свободной нравственности; культурно-историческое значеніе ихъ этики; потребность въ казуистикѣ; ея успѣхъ. 312—5.

Отношеніе сенсуалистической философiи къ эманципации чувства. — Кондиляркъ залагаетъ ея основы ученіемъ объ относительности блага и о томъ, что удовольствіе и огорченіе — единственные двигатели всего развитія человечества. Нравственный элементъ — только „аксессуаръ страстей“. 315—7. — Потребность франц. общества въ натуралистическомъ взглядѣ на человѣка и на задачи жизни. Сочувствіе этому взгляду Монтескьё, Вольтера и др. 317—9. — Восторженная натуралистическая защита страстей и неограниченной нравственной свободы Дидро. 319—321. — Болѣе умѣренное отношеніе къ тѣмъ же вопросамъ Даламбера, Туссена. 321—3. — Игривый эпикуреизмъ С. Ламбера. 323—5. — Защита страстей съ утилитарной точки зрѣнія Гельвеціемъ. 325—8. — Ихъ регуляція законодательствомъ и воспитаніемъ; гибель индивидуализма и гениальности въ системѣ Гельвеція. Его крайняя противоположность Гаманну; сближеніе съ нѣмецкимъ просвѣщеніемъ. 328—332. — *Оправданіе крайней свободы чувствъ и страстей и полного индивидуализма съ матеріалистической точки зрѣнія:* Ламеттри. 332—6. — Систематическое оправданіе чувственности съ точки зрѣнія фаталистическаго матеріализма Гольбахомъ. Крайнее развитіе ученія объ искусственной выправкѣ человѣческой личности. Полная гибель индивидуализма въ этикѣ Гольбаха. Противоположность этой послѣдней этикѣ философiи чувства. 338—347. — Несочувствіе общества XVIII в. крайностямъ матеріализма. Враждебное отношеніе къ Гольбаху. 347—350. — Припущеніе достоинства человѣка матеріалистическими ученіями Ламеттри, Гельвеція и Гольбаха; пессимистическій взглядъ на человѣческую природу у франц. философовъ. 350—4. — Необходимость реакціи противъ этого взгляда; Руссо удовлетворяетъ эту потребность. 354.

Возстановленіе достоинства человека въ ученіи Руссо. 354—5. — Его оптимистическій взглядъ на природу. — Требованіе замѣны искусственнаго естественнымъ. 356. — Протестъ противъ ученой философiи; вражда съ диалектикою и резонерствомъ. — Слабость разума; скептицизмъ — неизбѣжный конечный выводъ разсудочной метафизики. 356—8. — *Возвеличеніе значенія чувства, а съ нимъ вмѣстѣ и достоинства человека.* Чувство, а не разсужденіе, является носителемъ положительныхъ началъ въ человѣческой природѣ. — Руссо уважаетъ философiю новый путь, противоположный одностороннему раціонализму XVIII в., и вызываетъ къ жизни, съ одной стороны, философiю чувства, а съ другой — Канта. 358—9. — Соотвѣтствіе реформы Руссо нравственнымъ потребностямъ его времени. Поворотъ симпатій франц. общества въ сторону чувства. Громадный успѣхъ Руссо. 359—362. — „Сердечная этика“ Руссо. Чувство — основное и руководящее начало нравственной жизни. 362—3. — Широкая постановка нравственнаго индивидуализма у Руссо на почвѣ ученія о чистой человѣчности. Психологическое узаконеніе свободного развитія личности. Субъективно-гуманистическая педагогика Руссо. 363—7. — Апологія страстей; естественныя и искусственно-созданныя (культурно) страсти. Задача этики состоитъ въ распознаваніи естественныхъ отношеній человѣка къ себѣ, къ другимъ и къ природѣ и въ упорядоченіи страстей сообразно съ этими отношеніями. 368. — Опасности „чувствительной души“. 369. — Ученіе о врожденныхъ преимуществахъ „прекрасныхъ душъ“. 370. — Ограниченія сентиментализма и индивидуализма у Руссо. Шаткая постановка вопроса о нравственномъ долгѣ. Слабость мыслей Руссо о регуляціи страстей. Непослѣдовательное обращеніе къ помощи религіи. 369—375. — Опасная агитація Руссо въ пользу страстей; проповѣдь сентиментальности; идеализація любви. 375—381.

Противодѣйствіе эманципации чувства и развитію этического индивидуализма. 382 и сл. *Нравственный еженедѣльный изданіи.* Ихъ борьба съ распушенностью общественнаго быта и литературы. 382—3. Назидательное назначеніе литературы по Стюарту и Аддисону. 384—5. Умѣренное сочувствіе этихъ писателей развитію чувства

и страстей. 385. Успѣхъ нравственныхъ еженедѣльныхъ изданій въ Англіи, 386, и Германіи, 387—9. Назидательныя задачи нѣмецкихъ морализирующихъ періодическихъ изданій; ихъ педантичный, ограниченный бюргерскій характеръ. 389—395. — Новыя вліянія въ этой литературѣ: зародыши жизнерадостной, натуралистической этики. 395—7.

Развитіе назидательной литературы въ XVIII вѣкѣ и ея дисциплинирующее отношеніе къ чувству. 397 и сл. *Морализирующее направленіе въ англійскомъ театрѣ.* 397—400; во французскомъ: Детушъ; Нивелль де Ла Шоссе. 400—1; въ нѣмецкомъ: Готтшедъ и его послѣдователи. — Значеніе бюргерства и прославленіе его поучающею литературою. 401—6. — Успѣхъ буржуазной драмы и ея вліяніе на эманципацию чувства. — Поворотъ къ чувствительности; Ла Шоссе — одинъ изъ „отцовъ“ сентиментальности. Успѣхъ „слезливой“ драмы. 407—411. — Вліяніе Дидро на драмат. и сценич. искусство. Его сентиментальный натурализмъ; сочетаніе чувствительности съ назидательностью; призывъ къ естественному въ искусствѣ и въ жизни. Воспитательное значеніе эстетическихъ идей Дидро. 411—9. — Отношеніе къ нимъ Гаманна: обличеніе ихъ неестественной тенденціозности; безсиліе теоретическаго призыва Дидро къ правдивости и энергіи въ искусствѣ. 419—423.

Тенденціозное и морализирующее направленіе въ романѣ XVIII вѣка. — Побѣда буржуазно-реалистическаго направленія. 423—4. — Призывъ Прево къ сосредоточенію вниманія не на запросахъ ума, а на настроеніяхъ сердца. — Мариво о философскихъ преимуществахъ сердца надъ головою. — Заключеніе о сентиментально-назидательныхъ дѣлахъ литературы. 425. — Прево — представитель умѣренной морализаціи въ романѣ. 425—9. — Усиленіе тенденціозно-поучительнаго направленія у Мариво. 428—9. — Завершеніе сентиментально-морализирующаго направленія романа въ Ричардсонѣ. — *Ричардсонъ* — одинъ изъ главныхъ нравственныхъ воспитателей XVIII вѣка. — Причина его колоссальнаго успѣха: его изумительная серіозность и безукоризненная нравственная чистота. 429—431. — Обаятельное дѣйствіе этихъ качествъ на читателей. Отзывъ о немъ современниковъ. 432—5. — Ричардсонъ сосредоточилъ все вниманіе на изученіи міра чувствъ и на воспитаніи нравственной стороны человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ значительной степени содѣйствовалъ эманципации чувства отъ стѣновъ ихъ прежнимъ строемъ общественной жизни. 435—7. — Оздоровляющее вліяніе произведеній Ричардсона на современниковъ; увлеченіе имъ. 437—441. — Сдержанное отношеніе къ нему Гаманна; Ричардсонъ претитъ ему своею тенденціозностью. 441—2. — Подражатели Ричардсона. 442—3.

Геллертъ; его громадная заслуга въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія нѣмецкаго общества; изумительная ширина его вліянія; безпримѣрная популярность. 443—7. — Реальныя основы этого успѣха: онъ объясняется не однимъ морализирующимъ направленіемъ произведеній Геллерта, но и проведеніемъ имъ въ жизнь нѣмецкаго народа назрѣвшей реформы нравственныхъ понятій, не переходя границъ умѣренности и не нарушая традиціонныхъ, національныхъ симпатій. 448—9. — Геллертъ — благоразумный и осторожный посредникъ между новымъ просвѣщеніемъ и традиціонною нравственностью прежняго времени. 449. Его заслуги какъ охранителя національнаго чувства и религіозности. 450—1. — Расширеніе религіознаго кругозора въ духѣ піэтизма, но сообразно съ требованіями вѣка; робкое отношеніе къ литературѣ просвѣщенія; приспособленіе ея идей къ уровню умѣреннаго, мало-развитаго большинства. 451—6. — Та же тактика въ этикѣ Геллерта; умѣренный культъ чувства и чувствительности; ограниченіе „бунта страстей“; дозволеніе умѣреннаго жизнерадостнаго настроенія. 456—461.

Реакція противъ нравственной умѣренности и благоразумія. Осужденіе Геллерта „молодой Германіей“. 461—2. — Охлажденіе къ Ричардсону. 462—3. — Возрастаніе франц. вліянія въ Германіи сильно содѣйствуетъ развитію нравственной свободы. Отношенія нѣмцевъ къ важнѣйшимъ франц. литераторамъ; неуспѣхъ „крайнихъ“ преобладающее вліяніе Дидро и Руссо. 464—471.

Отношеніе нѣмецкаго „просвѣщенія“ къ развитію этическаго индивидуализма. Сочувствіе гармоническому развитію всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей; оно не переходитъ въ дѣло и остается безплоднымъ. Подавляющее преобладаніе отвлечен-